

A portrait of Natalya Gromova, a woman with short, light-colored hair, looking directly at the camera. The background is a blurred cityscape with a body of water and ice in the foreground.

Наталья Громова

Смерти
не было и нет:

Ольга Опыт прочтения
судьбы
Берггольц

2-е издание, дополненное
и переработанное

Проза Натальи Громовой

Наталья Громова

**Ольга Берггольц. Смерти не было
и нет. Опыт прочтения судьбы**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.

Громова Н. А.

Ольга Берггольц. Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы /
Н. А. Громова — «Издательство АСТ», 2017 — (Проза Натальи
Громовой)

ISBN 978-5-17-121906-2

Наталья Громова – прозаик, исследователь литературного быта 1920–30-х годов, автор книг «Ключ. Последняя Москва», «Скатерть Лидии Либединой», «Странники войны: воспоминания детей писателей». Новая книга Натальи Громовой «Ольга Берггольц: Смерти не было и нет» основана на дневниках и документальных материалах из личного архива О. Ф. Берггольц. Это не только история «блокадной мадонны», но и рассказ о мучительном пути освобождения советского поэта от иллюзий. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1.09 Берггольц О.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8 Берггольц О.

ISBN 978-5-17-121906-2

© Громова Н. А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
От автора	7
Застава	9
«Милый Ленин...»	18
Конец детства. «Смена»	20
РАППы и ЛАППы	24
Белокрылая жена	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Александровна Громова

Смерти не было и нет: Ольга Берггольц: опыт прочтения судьбы

Светлой памяти Галины Анатольевны Лебединской посвящается

© Громова Н.А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие ко второму изданию

Второе издание книги об Ольге Берггольц «Смерти не было и нет» существенно расширено и дополнено по сравнению с прежним. В этом издании исправлены досадные неточности и ошибки. В книгу вошли материалы расшифровок интервью из фильма об Ольге Берггольц «Голос» (режиссер Елена Якович, автор сценария Наталья Громова), показанного на канале «Культура» в феврале 2019 года.

В это издание вошли новые материалы из записных книжек Ольги Берггольц и неопубликованных дневников (послевоенного периода), дополнительные изобразительные материалы. Доработаны и написаны заново некоторые главы книги.

Выражаю благодарность Елене Якович за предоставленные материалы фильма, Нине Нониной и ее дочери Вере Соминой за содержательное и подробное интервью, Виктору Лебединскому – за постоянное содействие в работе. А также моим редакторам Галине Беляевой, Алле Шлыковой и Дане Сергеевой.

Наталья Громова

От автора

Я бы никогда не стала писать книгу об Ольге Берггольц.

Но в 2006 году мне позвонила Галина Лебединская – вдова Михаила Лебединского, племянника Ольги Берггольц. Она попросила меня прочитать дневники Берггольц, которые находились в РГАЛИ, чтобы помочь ей, как наследнице литературного архива, решить вопрос об их публикации.¹

Признаться, у меня был опыт подобного чтения. Но тут я засомневалась. О «ленинградской мадонне» я не так много знала, а уж давать какие-то советы... Я рассказала об этом Марии Иосифовне Белкиной (автору одной из лучших книг о Марине Цветаевой – «Скрещение судеб»), с которой я тогда дружила. Оказалось, что Мария Иосифовна хорошо знала Ольгу Берггольц. Они познакомились в блокадном Ленинграде, куда Мария Иосифовна приехала от Совинформбюро.

Белкина вспомнила одну странную историю. Она почти никогда не знала чувства страха – такой выросла с детства. Но он все-таки настиг ее – тогда, в дни блокады.

«Тарасенков назначил мне встречу у Олечки Берггольц, – вспоминала она. – Ее обожали в городе. Но жила она на пятом этаже в доме, где все жители вымерли, она так и сказала мне, что в квартирах больше никого нет. Лестница была крутая и в некоторых местах без перил. Я осторожно поднималась в полной темноте вверх, отсчитывая этажи, как вдруг в длинном черном коридоре, дверь которого была вырвана взрывной волной, увидела голубой огонек, который двигался на меня. Я застыла в ужасе. Первый раз в голову мне пришла мысль о привидениях, которые должны были населять эти квартиры. Я влетела на следующий этаж с абсолютно белым лицом. Тарасенков и Берггольц не могли понять, что случилось. Потом оказалось, что в подъезде остался в живых единственный древний старик, который и ходил со свечкой по коридору».²

Мария Иосифовна говорила об Ольге горячо и закончила словами: «Почитайте, пожалуйста, Олечкины дневники, я уверена, что они – *настоящие*».

Я стала читать. Тетрадь за тетрадью.

Есть люди, которые рождаются с острейшим переживанием уходящего, утекающего времени. С желанием остановить, прикрепить его хотя бы к странице. Запечатлеть навсегда.

С первых же строк Ольгиного дневника было видно, что она родилась с этим чувством времени. Еще десятилетней девочкой она пыталась писать воспоминания. Удержать происходящее. А дальше на страницах – не только события, но и рассуждения о жизни. Попытки понимания своего пути...

Каждый, кто вел дневник, знает: когда спустя годы его перечитываешь, испытываешь особое чувство неловкости – трудно представить, что это писал ты, что ты *так* думал, *так* поступал. Ведь ты изменился, стал другим, и стыдно становится за прошлые откровения, излишний пафос, неумеренные признания. Желание убрать, подчистить прошлое с неизбежностью возникает почти у всех. Но Ольга Берггольц не приукрашивала и не приглаживала свою жизнь – напротив, поражает ее безоглядная открытость и беспощадность к самой себе. А ведь в ее дневниках и шельмование оппонентов в тридцатые годы, и смерть дочерей, и многочисленные

¹ Лебединский Михаил Юрьевич (1931–2006), сын Юрия Николаевича Лебединского (1898–1959) и Марии Федоровны Берггольц (1912–2003), поменял вторую букву своей фамилии и стал Лебединским. Соответственно, такая же фамилия у его жены и сына.

² Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909–1956), советский литературовед, литературный критик, поэт, библиофил, муж Марии Иосифовны Белкиной. В годы войны был редактором газеты Ладожской военной флотилии.

романы, и откровенный рассказ о бездне лжи, открывшейся ей после тюрьмы, и мучительный надрыв блокадных дней, измены, ревность, алкоголизм...

Она не прятала себя от чужих глаз – это делали за нее другие: родственники, озабоченные ее репутацией, Союз писателей, наложивший запрет на прочтение дневников. Сама-то она не боялась, что они станут доступны читателю. И сделала их по сути своей Главной книгой, завещанием будущим поколениям.

В то же время, и это нельзя не отметить, дневники Ольги Берггольц были записками именно советского человека, отобразившими две реальности, две правды: советскую и частную. Это были два мира, которые расходились все дальше. И всю жизнь Берггольц пыталась преодолеть растущую пропасть между внешним миром и внутренним, между верой в придуманную идею и открывшейся страшной действительностью.

Я пошла вслед за ней, распутывая ее судьбу и постепенно понимая, как мучительно пыталась она преодолеть в себе свое время: из советского человека стать просто Человеком, из советского поэта стать просто Поэтом. И оказалось, что это непосильнее, чем жизнь и подвижничество в ленинградские блокадные дни. Советская система, считая ее своей навечно, не выпускала Берггольц не только при жизни, но и после смерти, пытаясь превратить ее творчество в мертвые отлакированные страницы, как когда-то сделала с Маяковским.

Галина Лебединская, безвременно ушедшая от нас, попросила меня написать историю Ольгиной жизни. Ей казалось, что я смогу проследить судьбу Берггольц сквозь все перипетии советского времени.

На этих путях и раздумьях и возникла книга.

Моя огромная благодарность всем, кто помогал мне в этой работе. За терпение – Натальи Соколовской, за бесценную помощь – Елене Лурье, за важные сюжеты и истории – Елене Борисовне Левиной, за содействие и поддержку в поиске архивных материалов – внучатому племяннику Ольги Берггольц Виктору Лебединскому, за ценные советы – Татьяне Поздняковой, за редакторский труд и помощь – Галине Беляевой; директору РГАЛИ Татьяне Горяевой и руководителю архивных коммуникаций РГАЛИ Наталье Стрижковой.

При работе над книгой были использованы материалы семейного архива Лебединских, семейного архива Ирэны Гурской, материалы ГАРФа, РГАЛИ и РГАСПИ. Текст дневников приводится по изданиям, перечисленным в списке литературы в конце книги.

Наталья Громова

Застава

*За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплыванной мостовой.
Паровик идет до Скорбязей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злорадия и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.*

Анна Ахматова

Она всегда гордилась, что появилась на свет на Невской заставе. Как поэта ее восхищало, что жизнь именно отсюда берет свой исток. Как же могло быть иначе! Здесь активно действовали марксисты, Ленин написал свою первую агитационную листовку и первое обращение к рабочим Семянниковского завода еще в конце 1894 года.

По воспоминаниям рабочего завода, «куда ни повернешь голову, везде фабрики, заводы, мастерские. Целый лес огромных заводских труб, выбрасывающих тучи черного дыма, застилающего и без того серое питерское небо. Фабричные здания, дома, улицы и торопливо снующие люди – все окутано дымом. Отовсюду несется грохот огромных валов, прокатывающих раскаленные железные полосы, удары парового молота, от которых сотрясается земля, тяжелый шум пытящих паровозов, и над всеми этими звуками в воздухе висит непрерывный гул от клепки огромных паровых котлов, лежащих на земле, как гигантские гусеницы». Вот тут, на Невской заставе, и зарождался будущий большевизм.³

Но дед Ольги по отцу – Христофор Фридрихович Бергольц, перебравшийся в Санкт-Петербург еще в XIX веке, – был совсем из другого мира.

Христофор Фридрихович приехал из Риги. Отец его, Фридрих Бергольц, по семейному преданию, происходил из крестьян Кулдигского уезда Курляндской губернии, имел много детей, из которых Христофор был самым младшим. «Это был голубоглазый, здоровый молодой человек, добрый лютеранин. Чистоплотный, спокойный латыш; он хорошо говорил по-латышски и по-немецки, прилично по-русски», – писала Бергольц в черновиках к автобиографическому роману «Застава».

Приехав в Петербург, Христофор Фридрихович поселился на Невской заставе; тогда ее только начинали застраивать фабриками и заводами. 12 мая 1879 года Христофор Фридрихович, по специальности «строительный техник», был принят на должность заведующего хозяйственной частью Александрово-Невской мануфактуры К.Я. Паля, сумел дорасти до управляющего знаменитой мануфактуры, а позже стал управляющим недвижимым имуществом фабриканта. На фабрике не раз происходили стачки, но во время рабочих волнений он, конечно, всегда был на стороне своего хозяина.

Жил Христофор в одной из ближайших к фабрике гостиниц. Там и познакомился с горничной Ольгой Михайловной Королёвой, вдовой мастера Александровского чугунолитейного завода. Она следила за его расходами, стирала белье. А затем они сошлись, как писали в старых книгах.

³ Авангард. Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг. Л., 1990. С. 113.

Муж Ольги Королёвой умер от пьянства. У них было пятеро детей, но выжила только Мария. Спустя годы в дневнике от 20 февраля 1923 года мать Ольги Берггольц писала о судьбе свекрови: «Сегодня О<льга> М<ихайловна> открыла мне душу... Она говорила мне, что отец <Христофор Берггольц>, прежде чем жениться, жил с ней, но стыдился ее общества и никуда не ходил с ней, на улице они всегда шли на расстоянии друг от друга. Затем от него была первая девочка, Лиза, она умерла, потом Федя, и когда Федя уже бегал, а она была беременной третьим, он женился».⁴

Эта история стала словно прологом последующих драм в домашнем кругу Федора Берггольца и истоком мучительного разлада между Ольгиными бабушкой и матерью. Унизительные воспоминания о незаконности своего собственного союза Ольга Михайловна перенесла на отношения сына и его невесты и тем самым отравила начало их семейной жизни.

Выйдя замуж за Христофора Фридриховича, Ольга Михайловна стала единоличной хозяйкой дома. «Была властной, со свойством широко размахнуться – закатить (особенно напоказ – “для гостей”) какой-нибудь необыкновенный праздник, совершенно не умела лгать и притворяться, а была “вся наружу”», – вспоминала Ольга Берггольц. Семья жила в достатке.

Сын Федор, избалованный и веселый мальчик, которому отец и мать ни в чем не отказывали, учился в реальном училище Я. Гуревича и окончил его в 1904 году. Был Федор красив: голубые глаза, русые кудрявые волосы – и ветрен: ухаживал сразу за двумя девушками. Одна – богатая купеческая дочь, жившая по соседству, на которой очень хотела женить его мать, вот только родители девушки не благоволили к легкомысленному юноше. Другая – красивая, тихая Мария Грустилина, чей нрав вполне соответствовал фамилии, кротко ждала, когда Федор сделает, наконец, свой выбор.

Мария Тимофеевна Грустилина родилась в семье рязанского мещанина. Тимофей Львович Грустилин, накопив денег, открыл в Петербурге пивную-портерную от завода «Новая Бавария». Скончался он в 1897 году, оставив жене семерых детей. Мария была старшей. Она хорошо училась, в 1904 году в дополнение к начально-профессиональному образованию окончила курсы кройки и шитья А.Л. Базаровой и была оставлена на курсах преподавательницей.

Жизнь причудливо смешивает краски. Дом на Шлиссельбургском проспекте, в котором проживали Грустилины, куда часто будет бегать и маленькая Ольга, назывался Корниловской (как будто вещий знак Ольгиной судьбы!) рабочей школой. Большое здание из красного кирпича, в котором первые этажи занимали жилыцы, на четвертом была вечерняя воскресная школа для рабочих. Здесь в 1891–1896 годах учительница Надежда Крупская направляла своих учеников на революционную дорогу. Каждое воскресенье они шумной толпой подымались по лестнице, проходя мимо квартиры Грустилиных.

Одно время учителем истории в этой школе работал будущий нарком ОГПУ, а тогда начинающий литератор Вацлав Менжинский. В своем романе он описал жизнь Корниловской школы, которая идейно разделила учителей на два лагеря: одни считали, что надо поднимать культуру рабочих, то есть просвещать, а другие – что их необходимо политически обрабатывать. Теперь понятно, какая линия победила. В центре повествования изломанный декадент Василий Демидов, судебный чиновник, и учительница Елена Жданова. Василий эгоистичен и самовлюблен, но все гнилое в нем отступает под влиянием любви к прекрасной учительнице. Это произведение под названием «Роман Демидова» носило явно автобиографический характер и было опубликовано в журнале «Зеленый сборник» в 1905 году. О романе нелестно отзывался в своем книжном обзоре Александр Блок.

⁴ Дневники и письма семьи Берггольц цит. по: *Лебединский М.* От прашуров моих. URL: https://royallib.com/read/lebedinskiy_m/ot_prashchurov_moih_chast_1.html#0. Полный список использованных архивов см. в конце книги.

Вряд ли Ольга когда-нибудь читала эту книгу, однако то, что в Корниловской школе учился будущий революционер Иван Бабушкин, в свое время узнали все: любимый жителями заставы общественный сад «Вена» после революции превратился в сад имени Бабушкина.

Спустя годы, собирая материалы для романа «Застава», Ольга Берггольц не раз вспомнит про соседство со знаменитой школой. Но сколько она ни спрашивала о начале революционного движения своих теток, дядьев, мать и отца, они ничего рассказать ей не могли – революция их не интересовала. Застава жила своей жизнью.

Дома Грустилиных и Берггольц находились недалеко друг от друга, и семьи были давно знакомы. В 1906 году Мария записала в своем дневнике: «Люблю бывать у Берггольц». Тогда же Федор – втайне от родителей – сделал ей предложение. Через год она вспоминала: «Федя мне сказал: – Люблю тебя, не отдам никому. Заставлю захотеть жить и полюбить ее (жизнь. – Н.Г.). И сам буду жить, дело у меня есть – я люблю тебя. – Я смело ему ответила: – Хорошо, верни меня к жизни (хотя в душе не верила, что можно меня заставить полюбить жизнь для себя)».

Мария Тимофеевна была девушкой литературной, идеалы черпала из произведений Пушкина, Тургенева, Толстого. Высшей ценностью полагала смирение, терпение и покорность. Всю жизнь Мария Грустилина описывала свои душевные состояния на дневниковых листках красивым гимназическим почерком, завитками закручивая отдельные буквы. Ее отношение к Федору с самого начала носило надрывный и мелодраматический характер. «Я люблю! Я хочу всего, что он мне обещал, хочу того, на что он меня звал. Все недавнее прошлое и будущее как призраки по-прежнему окружают меня. И мое сердце не замирает сладко, как прежде. А с болью сжимается, стонет и болит, болит невыносимо. Мой милый, мой любимый Федя – радость, жизнь, мечты – всё, всё для меня дорогое, святое – ты, один ты. И потерять тебя для меня смерть. После объяснения он стал совсем другим. И целует, и ласкает, и бывает у меня только потому, чтобы смягчить, что сделал и что еще будет. Нет, не любит он меня. Где мне взять силы все пережить, ведь, может, придется убить себя, т. е. прикончить свое существование. Я, пожалуй, это и сделала бы. Но этим я убью еще дорогое для меня на свете существо – мою мать. Да отчасти и ему отравлю его жизнь... Я хочу быть твоей женой, хотя и не любимой, но твоей...»

Безоглядную любовь девушки к легкомысленному избраннику Ольга описала в «Заставе», где вывела мать под именем Людмилы Тропининой. «Милочкина преданная любовь трогала его, льстила ему, но ничуть не утоляла <...> чем дольше они жили, тем кротость и преданность Милочки вызывали в Петре приступы тяжелого раздражения, почти отворачивания». В скобках, уточняя свой текст, Ольга Берггольц написала: «Фальшь и слащавость – вот что раздражало его».

Роман Федора с богатой соседкой ни к чему не привел, купеческая дочь нашла себе более выгодную партию. Отвергнутый молодой человек поехал поступать в Дерптский (теперь Тартуский) университет на медицинский факультет.

Перед самым отъездом Федора в Тарту Мария Грустилина осталась на ночь у Берггольцев. Она спала в комнате Федора. Очевидно, родители догадывались, что отношения молодых людей зашли достаточно далеко, и, когда сын был принят в университет, попытались отослать Марию подальше, предложив ей место бонны в каком-то имении в Виндавской губернии. Но она вынуждена была отказаться, потому что ей, как старшей, надо было помогать матери.

На какое-то время Федор исчезает из жизни Марии Грустилиной, но два месяца спустя вдруг возникает снова и витиеватыми извинениями пытается загладить вину:

Юрьев-Дерпт. 10 ноября 1908 г.

Здравствуйте много и премногоуважаемая Мария Тимофеевна! Вас, наверное, несколько удивит мое решение написать Вам в данное время, когда, быть может, Вы давно уже вычеркнули меня из списка даже просто знакомых.

Тем не менее я не могу не поблагодарить Вас от чистого сердца за Ваше внимание, которое Вы проявили ко мне, и тем самым напомнить Вам опять о своем существовании. Я, быть может, виноват во многом перед Вами, оправдываться в данное время во всем этом я считаю нецелесообразным, я это откладываю до более удобного случая; на бумаге всего не выскажешь. Но смею Вас уверить, что память о Вас, несмотря на мою неаккуратность в ответах, никогда не покидала меня. Если взор мой за Невской заставой мог отдохнуть и остановиться на ком-либо как на воплощении человека, в лучшем смысле этого слова, то только на Вас, Мария Тимофеевна. Мысль эту я высказывал себе не раз. Все это я пишу к тому, чтоб подчеркнуть наиболее густо то впечатление, которое я вынес от Вас, и чтоб разсеять то состояние, в котором находитесь или же будете поставлены моим письмом. Вот все то, что я могу пока открыть пред Вами. Жму Вашу руку в ожидании более подробного и откровенного суда.

Ваши полностью Ф. Берггольц

Конечно, он был прощен, но натуры своей не изменил.

Чтобы получать от родителей побольше денег на развлечения, Федор прибегал ко всяким хитроумным выдумкам. В просьбах о материальной помощи он использовал три названия города, где учился: Юрьев, Тарту и Дерпт. Раз в два-три месяца он писал, что факультет переезжает из Юрьева, предположим, в Тарту, нужны деньги на переезд и обзаведение новой квартирой и хозяйством. Родители удивлялись странным маневрам учебного заведения, но деньги посылали, а через два-три месяца факультет оказывался в Дерпте – и история повторялась снова.

Федор любил напевать под гитару песню про «кудри золотые» – популярный городской романс начала века. В незамысловатом сюжете словно преломилась судьба его невесты Маруси Грустилиной и Федора-Алеши.

А носил Алеша кудри золотые,
Знал великолепно песни городские,
Как Марусе бедной было не влюбиться,
Как же при измене ей не отравиться?

Марусю Грустилину провидение спасло от трагической судьбы героини романса, даже несмотря на то, что, будучи невенчанной, она оказалась беременной. Случилось это так.

Лето 1909 года Федор проводил в Санкт-Петербургском холерном отряде, а Мария была рядом – в имении Поленова. После долгожданной встречи она забеременела. Федору ничего не оставалось делать, как в кратчайшие сроки перевестись из Юрьевского университета в Военно-медицинскую академию Петербурга и жениться на девушке. Свадьба проходила 12 ноября 1909 года, когда беременности шел четвертый месяц. Чтобы ничего не было заметно, невесту затянули в корсет. В ресторане, где отмечали свадьбу, Марии Тимофеевне стало плохо. Федор отвез жену домой, оставив гостей пировать дальше. Когда ей расшнуровали тугой корсет, от резкой боли она потеряла сознание.

Ольга Берггольц родилась 18 мая 1910 года. Ребенок, «зачатый в грехе», как считала Ольга Михайловна, мать Федора, родился менее чем через шесть месяцев после свадьбы. После родов и нервного потрясения Мария Тимофеевна тяжело заболела, и ребенка от больной матери отдали в воспитательный дом: Ольга Михайловна не желала принять в дом невестку с ребенком. Тогда Федор разыграл сердечный приступ. Мать испугалась за жизнь единственного сына, и за младенцем была послана коляска. Ольгу забрал из приюта дедушка Христофор Берггольц, который стал ее крестным отцом. Вот такие страсти разыгрывались над ее колыбелью.

Спустя годы в письме от 21 августа 1949 года Мария Тимофеевна, уговаривая младшую дочь не отказываться от нежелательной беременности, расскажет о том, как некстати тогда казалось рождение Ольги: «Вспоминаю, в каких условиях я родила Лялю. Авдотья [няня. – Н.Г.] и свекровь травили и оскорбляли меня. А я была полна своей внутренней жизнью. Любовью, таинством рождения. Роды чуть не стоили мне жизни, когда во время операции под наркозом извлекали Лялю, у меня выпал пульс, врачи испугались. Но я родила, а через шесть недель тяжело заболела, и Ляля попала в воспитательный дом незаконнорожденных и чуть не погибла».

Несмотря на благоприятный исход истории для девочки, матери ее в доме мужа с первых дней было очень несладко. Марии Тимофеевне старалась помогать мать – Мария Ивановна Грустилина, которая стала крестной матерью Ольги, но у Берггольцев ее не особенно жаловали и редко пускали на порог.

Итак, маленькая Ольга стала жить в двухэтажном деревянном доме на Палевском проспекте. Ее отец перевелся обратно в Тартуский университет, а Мария Тимофеевна, оставив дочь на попечение бабушки и дедушки, уехала работать в город Боровичи Новгородской губернии преподавательницей кройки и шитья. Время от времени она ездила к мужу в Тарту. А Ольга неожиданно стала самой любимой бабушкиной и дедушкиной внучкой.

Мария Тимофеевна была вынуждена вернуться под крышу дома Берггольцев, когда вновь забеременела. В конце августа 1912 года она родила вторую дочь – Марию. В том же письме, которое цитировалось ранее, она вспоминала и ее появление на свет: «А твои роды вел профессор, Муся, знаменитый. Сказал, что у меня внематочная беременность и киста. Сам хотел меня оперировать. Положил в свою больницу. А я молила Бога сохранить мне ребенка. А за себя как-то страха не было, а я ведь знала, чем угрожает внематочная беременность. И профессор не успел порезать нас, умер, и оказалось, что у меня нормально. Затем следил за мной пр<офессор> Садовский, сам хотел принимать роды. Устроил меня в больницу к пр<офессору> Скробанскому. Папа поехал оформлять, чтобы положить меня туда раньше родов. Возвращается домой, чтобы меня туда везти, а меня сажают на извозчика везти в больницу – начались роды. Родила я тебя очень легко...»

Несмотря на малый возраст – ей было около двух лет, – Ольга помнила это событие. Она видела себя среди горячо любимых людей: дородная бабка Ольга Михайловна, дед Христофор, красивые папа и мама, няня Авдотья. Все они собрались возле загадочно возникшей сестры. Это почти рождественская картина дополняется образом люльки-кораблика. «Конечно, это большой кораблик. Сухонькая, вся в темном, бабка Мария Ивановна покачивает его... Бабка Ольга в огненном капоте, скрестив огромные руки на огромной груди, стоит по другую сторону кораблика...» А за пологом, как за сценическим занавесом, невидимая Ольге, лежит мать...

Это первый снимок ее памяти. В повести «Дневные звёзды» она будет складывать картины из отпечатков детских впечатлений: Невская застава, Углич, опять Петроград – и соединять их с блокадным смертным Ленинградом. Разрыв между рождением-смертью – страстью-страданием навсегда станет темой ее стихов и прозы, откуда дуло сквозняком вечности, из которого шло лучшее в ее творчестве.

...К весне 1914 года Федор Христофорович Берггольц, окончив медицинский факультет Тартуского университета, наконец стал жить дома, но уже в сентябре был призван в армию.

Сын уходил на фронт, а мать лежала в параличе и не могла вымолвить ни слова на прощание. «Христофор Фридрихович стоял у окна, тяжело опершись поднятыми расставленными руками в углы рамы закрытого окна. Подъехала коляска, к ней подошли Федор Христофорович в военной форме и с саблей и Мария Тимофеевна с пылающими щеками, в длинном черном пальто и высокой шляпе. Сели в нее, и коляска уехала, скрывшись за тополями у дома направо от них (в направлении Шлиссельбургского проспекта)». Такая картина осталась в памяти маленькой Муси Берггольц.

В один из приездов с фронта Федор Христофорович с друзьями привезли тяжелый черный ящик «электрической машины» и электрическими разрядами пытались вылечить Ольгу Михайловну от паралича. Кое-что удалось сделать. После этого она стала ходить, но до самой смерти волочила правую ногу и плохо владела правой рукой.

В октябре 1915 года отец снова побывал дома. Привез дочерям в подарок немецкую каску, всей семьей сходили в зоопарк и снялись в фотоателье: Христофор Фридрихович, Ольга Михайловна, Федор Христофорович, Мария Тимофеевна, Ольга и Муся.

На фронте отец встретил княжну Варвару Николаевну Бартеневу, работавшую сестрой милосердия. «Княжна Варвара все время работала вместе с отцом на фронтах империалистической, а после Октябрьского переворота, когда отец тотчас же подался в Красную армию, княжна Варвара прошла вместе с ним и всю Гражданскую войну, работала старшей хирургической сестрой в санитарном поезде “Красные орлы”, начальником которого был мой отец. Санпоезд “Красные орлы” воевал на юге против Врангеля, Каледина и других беляков, дважды поезд чудом вырывался из белогвардейского окружения, многократно был под огнем, принимал короткие, но ожесточенные бои и перестрелки, – княжна Варвара ни на минуту не отходила от отца, ни разу ничего не испугалась, ни разу не воспользовалась отпуском. Четырежды смертной хваткой хватал нашего папу тиф – сыпной, брюшной, возвратный, паратиф, – четыре раза княжна вытаскивала его из смерти...» – писала Ольга в «Дневных звёздах».

В своих дневниках Мария Тимофеевна вспоминала, как приехала в 1917 году в Москву встретиться с мужем в санитарном поезде: «...помню однажды, разговаривая со мной и Федей В.Н. (Бартенева. – Н.Г.) сказала, вы не ревнуйте ко мне докторёныша – я не перешагну через разбитую жизнь. Со мной был такой случай. Я любила женатого, и он предлагал мне оставить семью – я не согласилась, заставила его вернуться в семью, и мы разошлись, а мне было тяжело, это буквально ее слова, и говорила она это задолго до любви с Федей. С первого знакомства она мне казалась по натуре человеком благородным. Такое же мнение о ней и теперь».

Княжна не изменила своему слову и не разбила семью. Свою семейную жизнь он разбил сам. Но позже.

Особые отношения с доктором Берггольцем длились у них всю жизнь. Уже совсем старой она пришла к нему в больницу в 1948 году попрощаться навсегда.

Во время Октябрьского переворота Мария Тимофеевна оставалась с маленькими дочерьми в доме свекрови и свекра. В тот день по соседству загорелся полицейский участок. «Участок на углу Палевского и Шлиссельбургского проспекта сожгли почему-то не в феврале, а в октябре семнадцатого года, – вспоминала Ольга. – Утром мы ходили с мамой на проспект и видели, как еще дымились развалины участка, а по Шлиссельбургскому мчались грузовики, в кузове которых, опираясь на ружья, стояли рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опоясанные пулеметными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты».⁵

После революции, когда жизнь в доме на Палевском стала совсем тяжелой, свекровь прямо сказала невестке, что та должна искать пропитание себе и дочерям. Тогда Мария Тимофеевна взяла детей и в начале июня 1918 года уехала с ними в Углич, где жили родственники.

В судьбе Ольги Берггольц Углич стал таким же важным городом, как и родной Петроград. Потом она признавалась: «Эта келья, этот угол монастырского двора с могучими липами и, главное, высокий, белый пятиглавый собор напротив школы – все это стало мне почему-то сниться как место чистейшего, торжествующего, окончательного счастья».

А вокруг все было очень мрачно. По ордеру горкоммуну их поселили в келье старинного Богоявленского монастыря. Мать приходила с работы поздно: она преподавала рукоделие в той же школе, где учились девочки. Лицо отца они почти забыли – так давно он ушел на одну войну,

⁵ Дневники О. Берггольц 1923–1945 гг. цитируются по опубликованным изданиям (см. список в конце книги), дневники 1946–1971 гг. на момент выхода книги не опубликованы и хранятся в РГАЛИ.

а теперь воевал на другой. По вечерам в холодной келье в тусклом свете коптилки голодные дети жались друг к другу, вспоминая сытую петербургскую жизнь. К их неуютному жилью прибилась такой же голодный рыжий Тузик, который всегда кидался на их защиту.

Ольгина детская вера в Бога, воспитанная экзальтированной матерью, усилилась после переезда в Углич – настоящий старинный русский город с сотней церквей и колоколен на берегу Волги, город-сказка, в котором все было похоже на иллюстрации из детских книжек. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Успенская церковь Алексеевского монастыря, прозванная за красоту в народе Дивной, церковь царевича Дмитрия на крови... Убиенный царевич в саду не раз являлся маленьким девочкам, ведь он был почти такого же возраста, как они. Они даже знали куст, из-за которого выскочил душегубец и перерезал несчастному отроку горло. Погибший мальчик и его убийца входили в сознание девочек то шорохом листвы, то случайной тенью на дорожке, то чудившимся топотом детских ног...

Десятилетиями томила Ольгу тоска по «тому» Угличу – с соборами и церквями, с колоколом, которому вырвали язык и сослали в Тобольск. Углич был живой историей России. Он был той памятью, к которой она будет припадать, как к колодцу. Но когда спустя тридцать с лишним лет, летом 1953 года, Ольга приедет в город детства и вместо «своего собора», своей Дивной церкви, найдет лишь страшный двор, полуразрушенный храм с выцветшими звездами и кривой вывеской «Заготзерно», она так и застынет на скамейке под этой надписью. А вернувшись в Ленинград, напишет Ворошилову резкое письмо о состоянии угличских храмов. В ее Дивной, которую так любила в детстве, «находится общественное отхожее место, свинарник, крольчатник, какие-то склады, кровля протекает...»

Не сдерживая возмущения, она писала в Москву, видимо, плохо представляя, кому еще можно адресовать упреки в уничтожении старинного города. Она кляла городские власти в равнодушии к красоте угличских храмов, но в глубине души понимала, что и сама причастна к тому, что к ее церкви с синими звездами прибили табличку «Заготзерно». Ведь это она написала в тридцатые годы повесть «Углич» про маленькую девочку Лелю. Про то, как в годы Гражданской войны та живет и учится в трудовой школе, размещенной в стенах женской обители. Как все дальше уходит от церкви, монашек, как все ближе становятся ей победители-большевики, наводящие в городе свои порядки и изгоняющие из монастыря его насельниц.

...Окончание Гражданской войны дало возможность семье вернуться в свой дом за Невской заставой. В конце апреля 1921 года в Углич приехал Федор Христофорович и увез жену с детьми в Петроград.

Чтобы не попасть под уплотнение, Берггольцы подселили в свой двухэтажный дом родственную семью Грустилиных. Там же стали жить семьи Балдиных и Лапшиных. Валя Балдина будет Ольгиной близкой подругой почти всю жизнь. Ее любовь и разлука с арестованным писателем Николаем Баршевым – один из трагических сюжетов второй части «Дневных звёзд».⁶

Отношения «хозяев» и жильцов были настолько теплыми, что жильцы после революции единодушно выбрали Христофора Берггольца домоуправом. По свойственной ему хозяйственности и аккуратности он по мере сил обихаживал и ремонтировал весь дом, следил за ним вплоть до своей смерти.

Сестры Берггольц стали учиться в 117-й школе на Шлиссельбургском проспекте. Ольга училась хорошо. Но семейная жизнь родителей так и не наладилась. В дневниковой тетради 8 сентября 1921 года Мария Тимофеевна Берггольц пишет о своей боли: «Дети мои, девочки Ляля и Муся, спасите меня. Нет предела моим страданиям. Как замороженная живу я чувством к Вашему отцу и не могу его победить, не могу справиться с собой. Ведь он меня уже давно не любит, даже больше, он тяготится мной. Он бросает это мне в лицо. Очевидно, он сам старается убить во мне мое чувство, которое так же тяготит его. Теперь он даже рассказывает, как

⁶ Вторая часть «Дневных звёзд» существует лишь в отдельных отрывках, набросках и подготовительных материалах.

он покупал за 500 р. женщину, но отказался, потому что она приняла деньги. Это он мне рассказывает. Что же он обо мне думает?...» И еще. «28.02.1922. Сегодня за чайным столом Федя высказался, что все и вся ему надоело, опротивело, и даже иной раз не пошел бы домой...»

От перенесенных горестей Мария Тимофеевна заболела туберкулезом.

«Мамочка моя! Счастье, жизнь, свет души моей, мать моя! Нет, нет, ты будешь жить!... – писала Ольга в детском дневнике в апреле 1923 года. – Но как ты исхудала! Как впали твои ласковые глазки, как обострилось твое дорогое личико, какая ты стала жалкая, тщедушная, слабенькая!» Чтобы вымолить для матери спасение, девочка идет в часовню Скорбящей Божьей Матери, что неподалеку от дома. «Я горячо, нет, страстно, молилась, – записывает после она. – Я трепетала, когда, стоя на коленях перед Небесной Владычицей, я молила ее о здоровье дорогой моей матери».

Не чувствовала ли грядущие несчастья матери двенадцатилетняя Ольга, когда за год до этого выводила в школьной тетради красивым детским почерком:

Почему ты одна, почему ты грустна
И несчастна средь шумных друзей?
Потому что твоя возвышенной душа,
И стремленья верней и честней.

Мария Тимофеевна будет беречь каждый листок со стихами, написанными рукой ее Ляли. Спустя годы Ольга скажет: «...мать восторженно поддерживала во мне желание быть поэтессой. Она сама имела ниже чем среднее образование, но много читала, ее идеалом были “тургеневские” девушки, она мечтала вращаться среди артистов и писателей. Каждый мой стишок она ужасно расхваливала».

Но восторженная детская любовь к матери у Ольги с возрастом охладет. Главное место в сердце займет отец – жизнелюбивый и грешный, с чувством юмора, вспыльчивый, ревнивый, обожающий женщин, вино, искусство. Разгульный нрав вполне совмещался в нем с самоотверженной преданностью своему делу; в любое время дня и ночи он бежал помогать своим пациентам.

В тринадцать с небольшим лет Ольга в своих дневниках с грустью оборачивается на ушедшее детство, когда, казалось, впереди – вся жизнь. Ей открывается вся мимолетность времени. Из этой светлой подростковой печали спустя десятилетия вырастут лучшие страницы «Дневных звезд». Она пишет в дневнике о том, как на чердаке дома очутилась вместе с забытым игрушечным медведем – любимой игрушкой младенческих лет.

«Воскресенье, 10-го февраля 1924. Сегодня, когда я пошла на чердак перед собранием, снимать передники и платья, в самом углу, у окна, я увидела всего покрытого пылью, без головы – моего друга детства, большого папочного медведя, на колесах и с палкой. Если нагнуть голову медведю, то он громко начинал рычать. Я нагнула ему остаток головы, и он громко, точно жалобно зарычал, я нагнула еще и еще, жадно вслушиваясь в его рев. Воспоминания волной обрушились на меня. Я вспомнила себя совсем-совсем маленькой, в красном бумазейном платьице, с короткими рукавчиками. Я катаю этого самого медведя, совсем нового, по темному коридору, нагибаю ему голову, он рычит, и мне так весело, так приятно. Я гляжу в окошко, все покрыто паутиной, и удивляюсь, почему в солнечном луче так много разноцветных пылинок, и что это такое. Я стараюсь поймать эти пылинки, подставляю под луч Мишку, всовываю в луч руку и гляжу, как ее тень (руки) отражается на полу. Я ловлю этот разноцветный луч в подол, огорчаюсь, что его там нет; вбегаю в луч, машу и прыгаю там, а потом отбегу и смотрю, как весело заплясали там пылинки. Идет тетя Лиза, я везу на нее Мишку, и рычу вместе с ним: “у... у...” Она делает вид, что испугалась, и я, довольная, снова бегу играть с золотым лучом. Счастливое, счастливое, невозвратное время. Где ты? Куда уле-

тело? Неужели умчалось вместе с тем золотым лучом, исчезло навсегда? Неужели не пляшут в тебе веселые, блестящие пылинки?.. Стараясь не запачкать белье, я нежно поцеловала старого, пыльного, дорогого мишку».

Один за другим звучат звонки, предупреждая девочку, что детство неизбежно уходит. Сначала смерть бабушки.

20 декабря 1924 года умерла Ольга Михайловна. Мария Тимофеевна записала: «... умерла мать Федина. Смерть ее была для нас неожиданна. Смерть ее всколыхнула мою душу и подняла волну укора совести, и до сих пор переливается эта волна в душе моей. С ее смертью неизбежная перемена в нашей семье...»

Девочка впервые столкнулась с уходом из жизни близкого человека: «20 декабря, 1924 г. 6 ч. ½. Да, умерла и не проснется никогда. Никогда. Ни-ког-да... Страшно. Холодно. Милая, родная, далекая, прости меня... За все прегрешения вольные и невольные... не могу... Ох, не верится. Дико... Сейчас там читает монашка гнетно... Папа пришел сейчас... Потрясен. Ведь за пять минут до смерти говорила».

Вслед за бабушкой ушел дед, окончательно подводя черту под прошлым, под детством, – Ольга это понимает:

«23 сентября 1925. ...Я плачу, но редко и скупно. Ах, я хотела б плакать до обморока. Ушло мое детство. Он меня очень любил, дедушка-то... Нет, зачем я так пишу. Так пишу, как сочиняю... Какая я гнусная. Дедушка, дедушка... Теперь всё, всё должно пойти по-новому. И я, я буду мертва?! Нет!..

<...> Сегодня год бабушке... Была в церкви. Чем-то затхлым, далеким и тяжелым пахнуло на меня. А на кладбище снег девственно бел и весь искрился под радостными, ярко-желтыми лучами солнца. Такой белый снег, и такие милые, робкие желтые лучи!.. Было тяжело, когда над могилой гундосил поп, – “для чего?”, думалось... Вспоминается, как год тому назад было больно и страшно. А теперь... нет!.. Было тяжело именно оттого, что не нужно все это: служба, крест, слезы...»

«Милый Ленин...»

«Не нужно всё это: служба, крест, слезы...»

А что нужно? Что приходит на смену?

Ольгу, как и все ее поколение, родившееся в начале двадцатого века, захлестнул поток истории. Она все больше и больше проникалась духом перемен.

7 ноября 1923 года вместе с одноклассниками она идет на демонстрацию. От школы, украшенной флагами, мимо фабрик и заводов, расцвеченных кумачом, – у каждого на груди красный бант, – с пением «Интернационала» колоннами двинулись «в город». К ним присоединяются новые и новые потоки демонстрантов. С Невской заставы шествие доходит до Аничкова моста. «Пришли на площадь Урицкого, бывшую Дворцовую, и тут-то и начался самый интересный момент нашей демонстрации, – пишет Ольга. – Мимо проезжали автомобили – грузовики, с установленными на них колоссальными игрушками. Была, например, такая игрушка: был сделан громадный рабочий, который молотом бил по осиновому колу, вбитому в гроб. Проходили мимо карикатурно-смешные Юденич, Колчак и другие вожди белых, с которыми воевала Советская Республика; в автомобиле разные петрушки, клоуны, одетые в буржуев; были устроены коммунисты, грозившие кулаками буржуям. Вообще, это времяпровождение на площади Урицкого имело больше успеха, чем в “Вене”. До этой демонстрации говорили, что будет показан радио-монограф, который слышно на 15 верст кругом, но его не показывали. Через некоторое время, под звуки опять того же “Интернационала”, школьники двинулись обратно, переговариваясь между собой о виденных новинках. Многие были довольны, но некоторые жалели испорченных сапог, и все хотели есть...

Где-то вдалеке грохотали пушки, приветствуя шестую годовщину Революции».

Старшие в ее семье относились к новой власти презрительно-брезгливо. Ольга не находила сочувствия своим устремлениям ни у отца, занятого работой и любовными похождениями, ни у страдающей от одиночества матери, ни у маленькой еще Муси.

...В начале 1924 года умер Ленин.

В школе, где училась Ольга, смерть Ленина была воспринята совсем не так, как об этом писали потом в воспоминаниях: «22 Января. Вторник. Сейчас пришла Ел. Павл. и объявила: “Тов. Ленин приказал долго жить”, и все обрадовались, – с горечью констатирует Ольга. – Но я не обрадовалась: мне жаль Ленина. Почему? Не знаю. Но, мне страшно признаться, мне казалось, что я схожусь с ним во взглядах. Ой! Спи с миром, Вл. Ильич! Ты умер на своем посту».

Реакция в семье такая же, как и в школе: «Как захохочут папа и мама, когда узнают или прочтут это. Ну, пусть. Назовут “комсомолкой”. Ха-ха-ха!»

Советская власть еще не располагала теми возможностями, которые появятся у нее позже. Еще не было в каждой школе пионерских и комсомольских ячеек – сюда только время от времени приходили члены райкома. Еще не вбивалась населению по радио единственно правильная партийная точка зрения. Начинался НЭП. Многим казалось, что 1917 год с Лениным и революцией, с демонстрациями и красными знаменами на улицах уйдет сам собой, вправится, как вывих истории, и все будет пусть по-другому, но по сути – как прежде. Ведь одна за другой открывались лавочки, ходили по улицам зеленщики и молочницы, ездили все так же извозчики, издавались в крохотных издательствах книги. Ленин в глазах обывателя был уже пережитком жестокой эпохи, что ушла вместе с революцией и Гражданской войной. Да и жалели о нем в основном рабочие, как писали в отчетах ОГПУ.

А Ольга – натура романтическая – пишет стихотворение на смерть Ленина. Убежала на кухню и на одном дыхании написала горячие строки. На другой день она уже читала их в школе, на траурном утреннике.

Как у нас гудки сегодня пели!
Точно все заводы встали на колени.
Ведь они теперь осиротели.
Умер Ленин...
Милый Ленин...

Все девочки плакали, не без гордости замечает она, плакали именно от чтения ее стихов. А какой-то человек из райкома партии сказал ей, что такие стихи мог написать только настоящий комсомолец.

Ольга показала стихотворение отцу, и тот отнес его в стенгазету фабрики «Красный ткач» (бывшая фабрика Торнтон), где работал врачом в амбулатории. В день, когда стихи опубликовали, Ольга бежала на фабрику с бьющимся сердцем. Это была ее первая публикация!

На стене фабкома висела стенная газета с ее стихотворением. Оно было напечатано в самом центре, над ним – склоненные траурные знамена и подпись: «Ольга Берггольц». Рядом опубликованы воспоминания людей, которые лично знали Ленина, когда он молодым пропагандистом вел занятия в рабочих кружках. И Федор Христофорович, хотя и не симпатизировал идеям Ленина, гордился, что дочь пишет стихи, которые всем нравятся, а уж на какую тему, это ему было не так важно. Человек он был легкий и к жизни относился просто.

Однако для четырнадцатилетней Ольги Берггольц смерть Ленина стала началом новой веры, теперь уже коммунистической. Отныне Ленин полностью вытеснил из сознания девушки прежнюю христианскую веру. Революция превратится для нее в мечту и страсть. Она видит себя то на баррикадах Великой французской революции, то тоскует, что не попала на Гражданскую войну, то представляет себя рядом с настоящими героями.

В день Парижской коммуны Ольга записала в дневнике: «Так и хочется на баррикады! Хочется алых знамен, грохота пушек, криков победы – *“vive la commune”*. И обидно, горько – обидно, что не была, не помню, что была на баррикадах. А может быть, и была. Да, была, была! Я верю в переселение душ – т. е. верю и не верю. Но из-за этого – гнуснейшее настроение».

Чувство, что героические времена прошли мимо, не покидало ее. Но и новый мир обещал грандиозное будущее. Новая эстетика ложилась на экзальтированное, с элементами жертвенности юное сознание. Каждый митинг заканчивался пением «Интернационала», «Вы жертвою пали...» или забытого ныне, но тогда очень популярного «Реквиема» Л. Пальмина.

Не плачьте над трупами павших борцов,

Погибших с оружием в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!
Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

Тема героической гибели во имя народа и страны скоро станет одной из ведущих в советской пропаганде – и в школах, и на радио, и в газетах. Власть воздействовала не на разум – на чувства народа, на коллективное сознание. Чистая поэтическая натура Ольги с восторгом отзывалась на высокие слова и патетику строителей нового мира.

Конец детства. «Смена»

*...Девочка за Невскою заставой,
та, что пела, счастья ждала...*

Ольга Берггольц

Прежний дом постепенно рассыпался. Со смертью бабушки и дедушки зашаталась устоявшаяся берггольцевская семья. Ольге хотелось бежать из домашней рутины в жизнь, наполненную высоким смыслом.

Ее стихи и очерки стали появляться в газете Ленинградского губкома РКСМ, которая выпускалась для детей и подростков. Когда в 1926 году на Невской заставе началась перестройка Палевского проспекта, юнкор Ольга Берггольц опубликовала в газете «Ленинские искры» радостный очерк о строительстве новых домов для рабочих возле ее родного дома: «Палевский проспект. Маленькие такие домишечки, деревянные, почти у каждого дома – садик как в деревне. И теперь рядом с ними новые дома – солидные, каменные. А ведь было время, когда Палевского проспекта совсем не было: было большое болото, поперек проходил железнодорожный вал. Это было лет тридцать тому назад. Теперешние отцы семейств на месте теперешних жилищ ловили карасей... По праздникам в этих местах происходили кулачные бои. Население было некультурное; не было ни клубов, ни домпросветов, ничего того, что теперь имеет Невская застава. И вот единственным развлечением темных рабочих и обывателей Невской заставы были жестокие кулачные бои, во время которых было немало жертв. Выходила “Смолянка” на “Александровцев”... Дрались долго и жестоко. Пока одна сторона не побеждала другую...»

Любимый Ольгин дедушка Христофор Берггольц – бывший управляющий фабрики Паля. Родительский дом стоит на землях эксплуататора. Отдает ли девочка, пишущая бодрый очерк о новом быте, себе в этом отчет? Конечно. Но для того, чтобы шагнуть в новое время, ей надо отречься от собственного прошлого. Домики, скверики, палисадники, беседки Невской заставы кажутся теперь Ольге старообразными и уродливыми.

Палевский жилмассив (построенный в 1925–1926 годы) был одним из первых опытов советского градостроительства. Но трехэтажные аккуратные домики с отдельными входами в квартиры совсем не походили на будущие дома-коммуны с обобществленным бытом, которые будут построены несколько лет спустя. Может быть, сказывалось, что строительство шло в эпоху НЭПа. Тогда же был выстроен Дом культуры текстильщиков, открывшийся к десятилетию октября к 1927 году, – один из лучших образцов ленинградского конструктивизма.

В это же время шестнадцатилетняя Ольга узнает, что в центре Ленинграда действует литобъединение для рабочей молодежи «Смена», где собираются молодые поэты и писатели. Она пришла туда «с безумной робостью» в самом начале 1925 года. Пришла втайне от родителей. Занятия проходили не реже двух-трех раз в неделю. Лит-объединение располагалось под самой крышей дома – первого по Невскому проспекту, прямо напротив Адмиралтейства; до революции в этом здании была гостиница «Лондон». Потом занятия стали проходить в Домпросвете на Мойке, в знаменитом Юсуповском дворце. Совсем недавно здесь в одной из комнат был убит Григорий Распутин. Прошло каких-то десять лет, но для молодых людей, живущих в новом мире, это была вечность. Их новый мир только начинался.

С Невской заставы в центр надо было ехать на двух трамваях, набитых под завязку. Все знакомые улицы и площади теперь назывались по-новому. Невский проспект стал проспектом 25 Октября, сад перед Адмиралтейством – садом Трудящихся.

Сменовцам было по шестнадцать – восемнадцать лет. Сюда приходили Борис Корнилов, Александр Решетов, Александр Прокофьев, Геннадий Гор. Руководили ими поэты, которые были чуть старше их самих: Илья Садофьев, Виссарион Саянов, а потом Валерий Друзин.

Старшие поэты были членами ЛАПП (Ленинградской ассоциации пролетарских писателей). Стихи Виссариона Саянова, где было много блатной лексики, называли тогда молодыми и бодрыми; известность ему принес сборник «Фартовые года». Об этой книге Николай Асеев писал: «Она трогает и задевает искренней задорностью тона, верой в правильность собственного пути и близостью этого пути к шумному шарканью комсомольских подошв по весенним улицам».

Молодые ленинградские поэты еще не боялись признаваться в любви к поэтам предшествующего поколения. Саянов считал Гумилева, расстрелянного большевиками в 1921 году, своим учителем. Запретную книгу с подписью Николая Гумилева всю жизнь хранил еще один его ученик – Николай Тихонов. В это время он часто выступает перед юными поэтами-сменовцами, его поэтические баллады пользуются огромной популярностью. Ольга относилась к Тихонову в двадцатые – начале тридцатых годов с огромным уважением.

«Среди ленинградских поэтов, членов ЛАППа, уже тогда выделялся Александр Прокофьев, – писал Геннадий Гор. – Я впервые увидел его на собрании группы “Смена”, куда он пришел читать стихи... Прокофьев брал свои слова не из книг и газет, а прямо из живой, говорящей стихии, из уст народа. Он видел мир глазами деревенского парня, прошедшего через революцию и гражданскую войну, и писал обо всем, что пережил и знал, с огромной лирической силой. Его лирика поражала емкостью, самобытностью и резко отличалась от художественной лирики поэтов, перепевавших либо Гумилева, либо Блока»⁷. В 1919 году он бежал от белых, вступил в Красную армию, с 1922 по 1930 год работал в ЧК и ОГПУ. От себя добавим, что спустя годы он возглавит Ленинградский Союз писателей и превратится в классического советского чиновника. Но ранние его стихи были еще приподнято-романтичны, что покоряло читателей. Так, стихотворение 1929 года «Товарищ», положенное на музыку Олегом Ивановым в 1970 году, стало популярно у последующего поколения молодежи.

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку – и ту пополам!
Коль ветер лавиной и песня лавиной —
Тебе половина и мне половина!

Ольге очень нравился юный поэт Геннадий Гор, поклонник обэриутов, начитанный, умный и интересный собеседник. «Вид немного шпанский, ну да ничего, – хорошенький», – записала она в дневнике от 20 февраля 1926 года.

В те же дни она впервые услышала стихи Бориса Корнилова. Читал он с нижегородским оканьем, ходил в пальто нараспашку и в кепке, сдвинутой на затылок.

Дни-мальчишки, вы ушли, хорошие,
Мне оставили одни слова, —
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Стихи Ольге понравились, но к самому Корнилову она осталась безразлична. У нее разворачивался полудетский роман с Геннадием Гором: «...а когда стояли над Невой и “ждали

⁷ Гор Г. Замедление времени. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1978. Цит. по: http://lib.ru/RUFANT/GOR_G/zamedvr.txt

трамвая», пропуская один за другим, он целовал меня все горячее и горячее, обняв крепко-крепко... Он как-то радостно и нежно хымкал, говорил нежно, взяв мою руку в свою...»

«Замедление времени» – так назовет спустя годы свои воспоминания о литобъединении и его участниках Геннадий Гор. Он был менее всего похож на своих товарищей из «Смены»: самозабвенно увлекался Павлом Филоновым, часто навещал его в мастерской, восхищался стихами Константина Вагинова и прозой Леонида Добычина. «И Добычин, и Вагинов жили и писали на периферии эпохи, слишком сложные и камерные, чтобы воодушевлять студентов и молодых рабочих. Они были писатели для писателей»⁸, – признавался он в своих воспоминаниях.

«...Комсомолец Гор, в юнгштурмовке, с кожаной портупеей и пышными тогда еще волосами. Его слушали всегда с интересом, чувствуя, что это не просто красноречивый, но и чем-то особенный, одаренный юноша, и не ошиблись...»⁹ – таким запомнил его Леонид Рахманов.

В тридцатые годы Гор напишет роман «Корова», в котором тема коллективизации будет решена в сюрреалистическом ключе. От нападок и обвинений в формализме его спасет Горький. Когда же в 1936 году начнутся гонения на так называемых формалистов и его имя зазвучит в газетах, Гор испугается уже не на шутку – однако успеет «эмигрировать» в жанр советской фантастики. Но во время блокады он пишет потаенные стихи о ленинградском голоде, стихи, которые будет прятать до конца своих дней. Их опубликуют только после его смерти, уже в наше время.

Геннадий Гор боялся всю жизнь. Не случайно Андрей Битов, встречавшийся с Гором в семидесятые годы, назвал свои воспоминания о нем «Перепуганный талант». «Только никому не говорите, – шептал он в дверях, вытирая платком лысину... – вот моя первая книжка. Это опаснейший формализм. Это единственный экземпляр»¹⁰.

Судьбы поэтов «Смены» складывались по-разному. Одни уходили в детскую литературу, другие в перевод. Саянов, Прокофьев и Тихонов превратились в литературных начальников. Однажды Шкловский, по воспоминаниям Каверина, в конце тридцатых годов слушая на собрании выступление Николая Тихонова, саркастически заметил: «Жить он будет, а петь – никогда!»¹¹ Судьба же лучшего из них, поэта Бориса Корнилова, завершилась в 1938 году: он был расстрелян.

А Ольга Берггольц по сути еще в 1926 году предсказала свою поэтическую судьбу. Однажды на вечере Союза поэтов, который вел Корней Иванович Чуковский, она попросила у него разрешения прочесть свое стихотворение «Каменная дудка». Чуковский согласился.

Я каменная утка,
я каменная дудка,
я песни простые пою.
Ко рту прислони,
тихонько дыхни —
и песню услышишь мою.
Лежала я у речки
простою землею,
бродили по мне журавли,
а люди с лопатой
приехали за мною,

⁸ Гор Г. Замедление времени.

⁹ Рахманов Л. Из воспоминаний. Геннадий Гор. Цит. по: http://www.fandom.ru/about_fan/gor_3.htm.

¹⁰ Битов А. Перепуганный талант, или Сказание о победе формы над содержанием. Цит. по: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/10/perepugannyj-talant-ili-skazanie-o-pobede-formy-nad-soderzhanie.html>.

¹¹ Каверин В. Эпilog. М.: Московский рабочий, 1989. С. 241.

в телегах меня увезли.
Мяли меня, мяли
руками и ногами,
сделали птицу из меня.
Поставили в печку,
в самое пламя,
горела я там три дня.
Стала я тонкой,
стала я звонкой,
точно огонь, я красна.
Я каменная утка,
я каменная дудка,
пою потому, что весна.

«Чуковский очень обрадовался, – вспоминала Берггольц. – Он обнял меня за плечи и сказал: – Ну, какая хорошая девочка! Какие ты стишки хорошие прочитала! – А потом повернулся ко всем и проговорил: – Товарищи, это будет со временем настоящий поэт».

Изначально природе ее творчества было свойственно немного наивное, но счастливое принятие жизни и нового мира. Совсем скоро «как весну» она будет петь про стройки коммунизма, заводы, каналы, колхозы, дороги, ДнепрогЭС.

Но однажды из каменной дудки зазвучит совсем иной голос...

РАППы и ЛАППы

Группа «Смена» вместе с объединениями «Резец», «Стройка», «Красная звезда» и другими входила в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП). Быть членом официальной организации означало иметь возможность профессионально заниматься литературой. Но вольные собрания молодых поэтов и писателей все чаще оказываются под подозрением, их членов порой арестовывают. Даже сменовцы кажутся старшим товарищам из ЛАПП слишком свободными и независимыми. Поэтам «Смены» говорят, что их группа «перерождается», сверх меры увлекается акмеизмом, а посему нуждается в оздоровлении.

Проработкой поэтической молодежи занималась всесильная в двадцатые годы организация – Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Она могла сделать жизнь любого писателя или поэта невыносимой – о некоторых так и говорили: «инвалид литературной проработки». Одним из рапповских руководителей был Леопольд Авербах, который сыграл роковую роль в жизни Ольги.

Но «управление» литературой началось еще до РАПП. В 1921 году надзор за ней осуществлял всемогущий Лев Троцкий. «Нам необходимо обратить больше внимания на вопросы литературной критики и поэзии, – писал он, – не только в смысле цензурном, но и в смысле издательском. Нужно выпускать в большем количестве и скорее те художественные произведения, которые проникнуты нашим духом»¹².

Определение «нашего духа» и разделило литературное начальство. С первых дней своего существования РАПП претендовала на ведущую роль в руководстве советской литературой – и с каждым днем действовала всё более воинственно. Всех писателей, не входящих в ассоциацию, она делила либо на врагов, либо союзников. Подспудной же целью РАПП, как и МАПП (Московской организации), была борьба с линией Троцкого в литературе, в частности, с журналом «Красная новь», возглавляемым старым большевиком Александром Воронским. Воронский делал ставку на «попутчиков», то есть на известных литераторов, творчество которых укладывалось в русло прежних народнических ценностей. Это была своего рода калька партийной борьбы, перенесенная на литературную почву.

Московская организация пролетарских писателей, ставшая в 1928 году секцией РАПП, придерживалась наиболее радикальных классовых позиций в литературе. Журнал «На посту», который она издавала, занимал непримиримую позицию не только к «Красной нови» и Воронскому, но и к «Серапионовым братьям», которые были для нее символом всего мелкобуржуазного. И хотя стояние «На посту» продолжалось сравнительно недолго – в 1925 году журнал был распущен, – его эстафету принял журнал «На литературном посту», который издавался реорганизованной РАПП. В ее правление вошли Юрий Либединский, Леопольд Авербах, Алексей Селивановский, Александр Зонин.

«Новой» РАПП было жизненно необходимо выдвинуть из своей среды талантливых литераторов. И вот уже Либединский, написавший повесть «Неделя», признается выдающимся пролетарским писателем, а вслед за ним и Фурманов с «Чапаевым», и Фадеев с «Разгромом».

В конце 1928 года Либединский откомандировывается в Ленинград, чтобы контролировать местную писательскую организацию и провести пролетарскую чистку. Обычно эта процедура начиналась с изложения перед коллективом своей биографии. Затем надо было отвечать на вопросы, которые могли быть из любой области – политической или личной. Ольга Берггольц, которая проходила чистку вместе со всеми, по мнению комиссии, не работала на производстве и не знала жизни рабочего класса, и поэтому была из ЛАПП исключена.

¹² Письмо Л.Д. Троцкого о положении на книжном рынке художественной литературы. 25 июня 1922 г. Цит. по: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19220625troc.html.

Одним из тех, кто особенно нападал на Ольгу, был молодой писатель Михаил Чумандрин. Он требовал, чтобы заодно ее исключили и из комсомола. «Опять как призрак встает Миша Чумандрин. – Пишет она в дневнике 5 февраля 1929 года. – Он говорит, что мне надо уходить из комсомола, потому что я либералка, органически чуждый элемент и пр. и пр., потому что меня мучают проклятые вопросы о цензуре. Ребята говорят, что Миша туп (как пуп), Миша говорит, “Смена” – гнойник и сволочи».

Чумандрин – бывший беспризорник, рабочий-прессовщик завода «Красный гвоздильщик» – попал в писатели по призыву ударников в литературу. Он только что опубликовал несколько очерков и был назначен одним из секретарей РАПП и редактором журнала «Звезда». Вспоминали, что как-то, явившись на заседание редколлегии и актива журнала «Звезда», где были маститые писатели: Ольга Форш и Юрий Тынянов, Корней Чуковский, Алексей Толстой и Самуил Маршак, Борис Лавренёв и Михаил Зощенко – он от неловкости крикнул им: «Здравствуйте, белогвардейцы!»

А теперь он упрекал Берггольц в отсутствии классового подхода и связи с рабочей средой.

Что ж, Ольга действительно демонстрировала широту своих взглядов. Она ходила в гости к Ахматовой, слушала ее стихи. В 1926 году ее, совсем еще юную поэтессу, направил к Ахматовой Николай Клюев. «Слушая детские мои стихи (16 лет), – писала Берггольц спустя годы в записной книжке, – сказал:

– Ореол Сафо над вами, девушка.

Он еще называл меня “колосок”».

Ее возмущало отношение власти к Ахматовой. «... Слова – бог, богородица и пр. – запрещены. – Писала Берггольц в дневнике 4 мая 1929 года¹³. – Подчеркнуты и вычеркнуты. Сколько хороших стихов погибло! Допустим, они не советские и, может быть, антисоветские – но что из этого? Контрреволюционного характера они не носят, зачем же запрещать их? Боже мой, какая тупость, какая реакция. Да, реакция».

Ахматовой нравятся стихотворные опыты Берггольц, она даже советует ей издавать сборник. Либединский, напротив, говорит Ольге, что она еще недостаточно зрелый поэт. Но именно он советует Ольге возвращаться в ЛАПП, и 12 февраля 1930 года она подает заявление о восстановлении.

Ее прикрепили к рабочему кружку «Красный путиловец» и восстановили в ЛАПП, что было для нее уже важно. Как ни любила Ольга поэзию Ахматовой, как ни читала, ни перечитывала Пастернака, Мандельштама и Ходасевича – стихи для нее оставались стихами, а жизнь жизнью. И она выбрала советскую жизнь с энтузиазмом и верой в коммунизм. «Мы активно, страстно, как-то очень лично жили тогда всей политической жизнью страны, – писала она спустя годы в предисловии к сборнику стихов Бориса Корнилова, – всеми событиями в партии и так же активно и лично жили жизнью и событиями современной нам поэзии. А этих событий было в те годы много. Почти каждое из них волновало нас и вызывало споры, находило противников и последователей... Да, было много у нас тогда лишнего – был и догматизм, и чрезмерная прямолинейность, и ошибочные увлечения (так, кое-кто в “Смене”, “рассудку вопреки”, продолжал предпочитать акмеистов), – я не хочу идеализировать даже любимую молодость нашу, но не было одного: равнодушия. И к стихам своих сверстников и однокашников не были мы равнодушны. ...И вот все это вместе нераздельно и прекрасно слитое – искусство и жизнь – и формировало, как и других, поэта Бориса Корнилова и откладывалось в его стихах».

¹³ Дневник О.Ф. Берггольц 1928–1930 опубликован Н.А. Прозоровой в книге «Борис Корнилов: “Я буду жить до старости, до славы...”» (СПб: Азбука, 2012).

Белокрылая жена

Борис Корнилов вошел в ее жизнь, когда она еще только начинала осознавать себя поэтом, а он уже точно знал, что он – поэт настоящий.

Мужчины вспоминали о золотоволосой, очень красивой девушке. «Тонкоплечая», – говорил о ней Николай Тихонов. «...С золотисто-льняной челкой, выбивавшейся из-под красного платка, с золотисто-матовым румянцем»¹⁴, – писал друг юности Лев Левин¹⁵. «Семнадцатилетняя поэтесса Ольга Берггольц с необыкновенно нежным цветом лица и двумя золотистыми косами», – вспоминал Леонид Рахманов¹⁶

¹⁴ Левин Л. Дни нашей жизни. М.: Советский писатель, 1981. С. 177.

¹⁵ Левин Лев Ильич (1911–1998) – российский литературный критик, поэт, драматург.

¹⁶ Рахманов Л. Из воспоминаний. Геннадий Гор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.